

АНАТОЛИЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

ОН БЫЛ СОВЕСТЬЮ РУССКОГО МИРА

“Морю велику сущу дыхающу”

Нет более точного слова, чтобы выразить весь этот “венчанный гнев моря”, от которого страшно сегодня весь день. Гнев дышит воем, волнами, вскриками, воплями, в душе пробуждается древний ужас. Под рёв этого гнева мог бы происходить Страшный суд. В каждой волне свой “день гнева”, и все эти “дни” вопят неодолимо...

С. Н. Дурьлин, 2.07.1926

С этой дневниковой записью Сергея Николаевича Дурьлина я столкнулся в дни прощания с Валентином Григорьевичем Распутиным. Она и ложится на его судьбу и душу. Если бы опубликовать стенограммы, видеотчёты и записи участников более двадцати лет проходивших в Иркутске в первой декаде октября Дней литературы и искусства “Сияние России”, задуманных и осуществлённых лично Распутиным! Замалчиваемые СМИ, без финансовых подмог, проходили эти собрания публицистов, и безоговорочно первенствовал на них Валентин Григорьевич. Дважды мне довелось участвовать в семинарах и встречах в разных аудиториях и гостиных.

Из моих наблюдений. В актовом зале Педагогического института вопросы к участникам встречи сыпались больше четырёх часов. Собрание проходило на одном дыхании. Зато в Политехническом институте совсем другое. Расскажу подробно. Планировалось выступление выдающегося политолога А. С. Панарина и показ моих документальных фильмов. Александр Сергеевич договорился с организаторами добраться самостоятельно. Мы прибыли к парадному входу за сорок минут до начала встречи. Как раз начались лекции. Ищем объявление о нашем мероприятии – не попадает. И в это время появляются два паренька в светлых рубашках и прикалывают на доске объявлений листочки: информация о нашей встрече. Мы переглянулись. Парни, исполнив работу, убежали. “Надо же, 46-я аудитория!” – но кто и когда углядит это объявление. Александр Сергеевич, будучи завкафедрой политологии МГУ, не удивился: в его практике такие факты не новость, а я оторопел. Мы нашли объявленную аудиторию... Она большая, полукруглая, по образцу древних театров. Но в ней идут занятия. Ждём у входа. Вскоре нас окружили девушки из студкома, извинялись за накладку... Прошёл час. Аудитория не освобож-

далась. Наконец, нас отвели в другое помещение, но там не было экрана... Возникла неловкая пустота, и в этот момент появился Распутин. Его узнали студентки, забежали, и тут же возник ректор. Нас сразу же увели в его кабинет. Предложили чай, кофе. Ректор извиняется, обещает в следующем году предоставить актовый зал. Валентин Григорьевич молча опускает голову и не молвит ни слова. Я не сдержался и вставил: "Встретимся не в актовом зале, а в Горнем". И таких "неласковых" приёмов на родине у Распутина было немало, это сопровождало весь его жизненный путь. До последних дней жизни Панарин вдохновлялся пребыванием в Иркутске, особенно знакомством и беседами в номерах и кафе гостиницы во время Распутинских форумов, где жили спорами в аудиториях. Особо восхищался личностью Распутина.

В 2013 году я второй раз был на "Сиянии России". С гостями ехали на Родину Валентина Григорьевича в Усть-Узу. 400 километров в стареньком автобусе по тряской дороге, впервые без него... В клубе собралось всё село. Слушают, затаив дыхание. Михаил Трофимов читает басно про борова. На него налегает детвора: "Читай ещё". Называют Крыловым. Михаил смущён, однако опытен в обращении с залом, читает куплеты... Ему дружно рукоплещут... Потом выступил якутский писатель Николай Лугинов, говорил о государственном чутье Распутина. Слушая его искреннее слово, я впервые услышал и запомнил чеканную формулу: "Распутин – истинный губернатор Сибири". Зал внимал выступающему. Стояла тишина, и вдруг единодушный победный гвалт и аплодисменты.

А мне тогда и сегодня вспоминается, как мудро своим выступлением помог Валентин Григорьевич утвердить на Пикете в Сростках памятник Василию Макаровичу Шукшину скульптора Клыкова при стечении 50-тысячного людского моря 25 июля 2004 года. Привожу без правок запись произнесённого перед микрофоном слова с разрешения Валентина Григорьевича, открывая нам в какой-то мере природу рождения писательского слова.

"Всякое Святое дело требует окропления, что сегодня и произошло. Погода уже разыгрывается и разговор может продолжаться, пока вы не устанете. Я не первый раз в Сростках, не первый раз на Пикете, но такого фантастического зрелища, как сегодня, мне не приходилось видеть. Настолько фантастическое: будто марсиане собрались на горе Пикет и в таком количестве, будто и туда дошёл слух о Шукшине, и вот они спустились, чтобы посмотреть, что здесь происходит. Мы здесь, слава Богу, похожи на православных русских – почитателей Василия Макаровича. Первый раз я здесь был в 1984 году и ещё дважды в ближайшие годы после того. Замечалось, Пикет представляет из себя Всенародное вече. Многие десятки тысяч народу, тогда был ещё Советский Союз, отовсюду, отовсюду ехали и шли послушать людей, которые близки были Шукшину или его идеям.

Тогда говорили здесь о государственных делах, говорили о том, нужно или не нужно строить Катунскую ГЭС, говорили о ненужности поворота северных и сибирских рек, и расходились по всей России люди, получившие здесь благословение на дальнейшую деятельность.

Василий Макарович весь плоть от плоти Сросток и русской деревни, потому и не приходилось ему выдумывать ни язык, ни мудрость и характеры, которых у Шукшина много. Они не выдуманы, и действие, которое есть в рассказах, Макарыч находил сохранёнными в деревне, не напрасно он говорил: "Нравственность есть Правда". Не просто правда, а Правда с большой буквы. Большое мужество и честность – жить народной радостью и болью. Чувствовать, как чувствует народ. Народ всегда знает Правду – великая истина. Ни в каких вузах, и кинематографических в том числе, эту истину не добыть. Её найти можно только среди своего народа. Один из героев у него говорит: "Посмотри, что ни великий человек, почти всегда из деревни". Почитай газеты, что ни некролог, то выходец из деревни, я не хочу этим примером умалить великих людей города, но из деревни их больше, и они более крепкого замеса люди. Но это всё в прошлом, сегодняшняя деревня унижается.

Диву даёшься тому, как ощущал будущее России Шукшин. Вспомните – казалось бы, такая вольная сказка "До третьих петухов", когда Иван-дурак идёт за справкой, дабы удостоверено было, что он не дурак, и ему может будет визы получать, ну, и просто доверия больше. Какая простая сказочка! Это ведь 70-е годы, казалось, ничего не предвещало бед, навалившихся сегодня. И ведь догадался Василий Макарыч довести Ивана до монастыря, но бесы и

там уже окружили, рвутся в монастырь, и могучий стражник на пути, его не одолеешь! Так чем берут этого русского человека? Поют русскую песню “Безжал бродяга с Сахалина”! Да так исполняют, что стражник плачет и ворота отворяет, бесы врываются, и там уже начинаются другие песни-пляски. Вот я смотрю на этот прекрасный памятник Василию Макаровичу и думаю, что будет он служить здесь две службы. Первая служба – Пикет, сторожевая гора, далеко видно, как и в старину, приближение кочевников... А кочевники ныне – это не какие-нибудь дикие люди, потомки Чингисхана, а, напротив, самые “цивилизованные”, и зарятся они в жадности своей ненасытной на наши земли и в любой момент могут прискакать с грамотами от Чубайса или Грефа. Смотри, Василий Макарович!

И вторая служба – гнать отсюда бесов, которые горазды были в недавние годы распевать здесь дурные песенки для культурного развлечения земляков Шукшина. Пикет не для этого. Здесь, на Пикете, надо говорить о главном, слушать лучшее”.

Все дни до открытия памятника кипели нешуточные страсти, чиновная рать Швыдких, Назарчуков, Ломакиных. Они загодя организовали площадь. Для того снесли три дома, залили фундамент, насадили аллею у Чуйского тракта с намерением опустить памятник с горы. Слово Распутина и единодушное признание людей помогло губернатору Михаилу Евдокимову удержать памятник на Пикете.

Валентин Григорьевич – самый бескомпромиссный и стержневой человек изо всех, кого я видел на белом свете, ни единожды не свернувший с избранного пути. Сам он никогда не жаловался и не держал зла на гонителей своих, а бит был и не раз, физически почти смертельно.

В семейной жизни мне он виделся внутренне одиноко-погашенным. Свет в окошке для него была дочь Маша, музыкантша, ученица Георгия Васильевича Свиридова. Она трагически погибла в авиакатастрофе на глазах отца. Летела в Иркутск на первый свой сольный концерт. Её опознали только по кресту. Это событие ошеломило Валентина, надорвало его душу и, пожалуй, подстегнуло смертельный недуг.

Не касаюсь сейчас его вершинных произведений, созданных вопреки житейским бурям идвигающих его дар. Но был и фильм “Уроки французского”, снятый русским режиссёром Евгением Ивановичем Ташковым. Этот фильм, как и великая проза и публицистика Распутина, занял своё, особое место в истории Русского мира.

Приведу ещё один эпизод-событие, последствия которого длились многие годы, и о нём, возможно, не знают соотечественники. 30 декабря 1979 года рискованный артист Алексей Ванин уговорил меня полететь на БАМ в посёлок Дюгабуль (там, на реке Олекма, строили мост методом вымораживания воды до дна). Начальник мостоотряда Андрей Хотин пообещал показать мужикам “Калину красную”. В Тынде нас встретил “уазик”. Ехать пришлось по зимнику 600 километров. Ох, и намёрзлись мы в дороге! Обратно возвращались через Иркутск. Позвонили Валентину Григорьевичу. Он дружелюбно пригласил на чай, был радостно возбуждён: “Академику (Галазию) и общественности удалось договориться закрыть комбинат, отравляющий Байкал”. Уже за полночь, провожая нас до гостиницы, подвёл к набережной Ангары. Здесь я впервые увидел, насколько прозрачна вода в этой реке. “Всего 12–20 километров Ангара жива, дальше плотина губит реку”, – говорил Валентин. Провожать его обратно он не позволил. “Я дома. Кому я помеха?” – и потрогал простенькие польские джинсы. Лёша тут же вставил: “А пиджачок-то на тебе лайковый – дорогой?”. Валентин засмеялся и ушёл. Мы улетели в Москву. В конце зимы слышу в издательстве обсуждают: Распутина зверски избили, джинсы сняли, передают “вражи голоса” почти сразу после случившегося. По телефону узнаю: польские х/б забрали, а лайковый пиджак грабителям не понадобился. “Голоса” не сообщали, что голову проломил, как Есенину. Валя простил обидчиков до суда и просил не упоминать пишущих про эту беду.

Уже в 2009 году в личной беседе он говорил мне: “Голова часто болит, света белого не вижу. И нужна была мне красота лица? Согласился на четыре операции, по несколько часов отключали мозг – выпрямляли лобную кость, а потом на глазах операций десятков, наверное. Нынче посижу за столом полчаса – голова начинает болеть. Места себе не нахожу”.

И в таких муках Валентин Григорьевич написал множество статей, писем, предисловий, отвечал без отчаяния на все болевые проблемы людей, на общую для всей страны беду – очередную разруху, поддерживал народ в шаткое время своей жизнью и творчеством. Повторю определение Валентина Курбатова в журнале “Покров”: “Стоя в сердце жизни, он простился не с веком даже, а с тысячелетием, до ниточки высмотрев высшее крепительное, чем жила Россия, которая никогда не была для него отвлечённостью, а всегда – конкретные события и люди”.

А какой озорённо-наблюдательный был Распутин до покушения, в тяжёлой поездке в село Русское устье, или посёлок Советский, как он был тогда обозначен на карте. Четыреста лет существует село на берегу Ледовитого океана. Здесь зимовали первопроходцы: Ерофей Хабаров, Семён Дежнёв, Бегичев. Собирая слова, ушедшие в небытие, он обратил внимание, что жители села не знают слова “тундра”. Говоря о ней, произносят слово “сэндуха”. В этих местах даже зимой, если ветер с материка, пахнет свежескошенным сеном. Сена дух – “сэндуха”.

Другой случай. Плыли мы на быстроходной лодке по извилистым протокам реки Индигирка, видим над собой взлетающую пару лебедей. Лодка идёт по курсу их взлёта. Какое-то время мы шли с равной скоростью, пока они не набрали высоту, а русло протоки не повернуло в сторону. Я не успел достать фотоаппарат, когда они несколько секунд были в трёх-четырёх метрах над лодкой. Валя после рассказывал: “В глазах птиц был человеческий страх и неизбежность. Они видели нас в лодке, их оглушал рёв моторов, но они размеренно гребли крыльями, переживая ужас близости с нами”.

Венцом его земного признания стало слово Святейшего Патриарха Всея Руси Кирилла в главном храме Православной Церкви о признании его Великим Русским Писателем, сказанное у гроба при прощании с ним. Замолчанное СМИ, слово Святейшего передаётся православным людям из уст в уста.

И ещё стоит упомянуть: похоронили Валентина Григорьевича Распутина в центре родного Иркутска, в Знаменском монастыре, рядом с могучим памятником самому державному монарху России Александру III, восстановленному не без его хлопот.

Не забудем мнение сибиряков, просочившееся даже на телеканалы: “Распутин был истинным губернатором Сибири!”

Прими, Господи, с миром душу Раба Твоего...